

Он решился и рывком сорвал красный платок.

Ткань плавно, словно вода, соскользнула вниз. Увидев лицо Се Чжижуна, Сяо Лин затаил дыхание. Несмотря на яркий свадебный наряд, от юноши веяло ледяной чистотой. Утонченные черты лица, холодная, пронзительная стать — он казался одновременно острым клинком и холодным нефритом. От неожиданности Сяо Лин невольно засмотрелся, и эта резкая, почти нечеловеческая красота отозвалась в его глазах острой болью.

Наследный принц Се поднял взгляд, в его очах застыл лед.

Еще вчера он был всеми почитаемым любимцем судьбы, а сегодня, запертый в глубине дворца, стал лишь птицей в золотой клетке, предназначенной для забавы императора. Однако в Се Чжижуне не было ни тени обиды, ни ненависти, ни страха — лишь удивительное спокойствие.

Даже понимая, что момент выбран крайне неудачно, Сяо Лин не удержался от восхищения: неужели это и есть та самая аура главного героя?

Се Чжижун тоже смотрел на Сяо Лина. К его удивлению, в глазах императора не было ни похоти, ни вульгарности. Хотя тот на мгновение и замер, пораженный его внешностью, взгляд его оставался открытым и естественным, а в глубине души читались смущение и скрытое раскаяние.

Сяо Лин искренне восхищался Се Чжижуном, но, кроме этого, никаких иных мыслей у него не возникало. Во-первых, Се Чжижун был мужчиной, а во-вторых — персонажем книги, для Сяо Лина он был лишь объемным картонным образом.

Се Чжижун слегка дрогнул длинными ресницами, отбросив на веки легкую тень. Поведение Сяо Лина было совершенно непредсказуемым.

— Ваше Величество, — произнес он. Голос его звучал подобно звону разбитого нефрита.

— Наследный принц Се, — отозвался Сяо Лин.

Услышав это обращение, Се Чжижун почтительно ответил:

— Я больше не наследный князь, Ваше Величество.

Сяо Лин запнулся. Значит ли это, что его поступок выглядел в глазах Се Чжижуна как издевательство? Император, казалось, не придавал этому значения:

— Тогда... Чжижун.

Он вошел в роль быстро, мгновенно привыкнув к своему императорскому статусу перед лицом

Се Чжижуна. Тот едва заметно кивнул:

— Слушаю.

Спокойствие Се Чжижуна лишало Сяо Лина уверенности. Если бы юноша начал буйствовать, рыдать или скрывать унижение, Сяо Лин знал бы, что делать. Но такая реакция заставляла его гадать, не замышляет ли Се Чжижун чего-то опасного. Например, покушения.

Император сел рядом с Се Чжижуном, подумал и немного отодвинулся. Учитывая, как сильно тот его ненавидит, лучше держаться на расстоянии — так будет заботливее. Разумеется, это не от страха смерти, а исключительно из заботы.

— На самом деле, — помолчав, негромко произнес император, делая вид, что ему сложно подобрать слова, — в тот день я с первого взгляда влюбился в Чжижуна.

Се Чжижун посмотрел на него, внимательно слушая. Даже услышав столь нелепое заявление, он не изменился в лице: тихий, безмятежный, ни удивления, ни насмешки. В конце концов, способы императора выражать симпатию были, мягко говоря, своеобразными.

— Все, что я делал, не было желанием унижить тебя. Напротив, это лишь потому, что я слишком сильно тебя люблю, — Сяо Лин тщательно подбирал слова, его голос звучал мягко.

В его тоне сквозила подавленность, словно он осознавал содеянное зло, и легкое, необъяснимое смущение. Сяо Лин и сам не верил в свои слова, а уж для Се Чжижуна это и вовсе звучало как бред. Се Чжижун не понимал, что задумал император и зачем он пришел говорить такие вещи.

Но когда Се Чжижун поднял голову, император почему-то отвел взгляд. В игре света и тени Се Чжижуну почудилась в опущенных глазах Сяо Лина глубокая печаль. Что, в конце концов, нужно этому императору?

Се Чжижун, не подав виду, слегка кивнул:

— Понимаю. Я очень благодарен, — хотя на его лице не было и следа благодарности.

Система, наблюдавшая за всем этим, отозвалась:

— Ваше Величество, вы...

— Я воздействую на него убеждением и чувствами, — с вызовом ответил Сяо Лин. — Завладев телом, нужно завоевать и сердце.

Система осталась непреклонна:

— Счетчик увеличился на единицу.

Сяо Лин холодно хмыкнул. Мелочная. Он понял, что этот «низкопробный голосовой помощник» только и хочет, что известить главного героя. Сяо Лин понимал, что сегодняшняя встреча вряд ли сильно поможет наладить отношения, но он не торопился — впереди было еще сто глав. Если бы Се Чжижун купился на его слова и расплакался от умиления, Сяо Лин первым делом отправил бы его к придворному лекарю проверять голову.

Сегодня он пришел лишь для того, чтобы обозначить свою позицию. Сделав маленький шаг, он добавил:

— Время позднее, ты весь день провел в хлопотах, отдыхай.

— Благодарю за заботу, Ваше Величество.

— Отдыхай, Чжижун, — сказал Сяо Лин.

Но Се Чжижун даже не шелохнулся. Заметив взгляд императора, прикованный к нему, юноша произнес:

— Ваше Величество, не соблаговолите ли вы снять с меня цепи?

Сяо Лин замер. В полумраке комнаты, лишь после слов Се Чжижуна, он заметил, что на того надеты кандалы. Запястья и лодыжки были скованы толстыми железными цепями. Так вот почему Се Чжижун был таким послушным — он был скован?

У Сяо Лина расширились зрачки, он поднял голову и встретился взглядом с Се Чжижуном. В этот момент подул легкий ветерок, пламя свечи задрожало, и черты лица Се Чжижуна смазались в тени. Что сделает Се Чжижун, если он снимет цепи?

Сяо Лин непроизвольно коснулся своей шеи, констатируя, что она совершенно не защищена от удара мечом. Если рука окажется быстрой и твердой, хватит и одного раз. Для такого мастера меча, как Се Чжижун, отрубить ему голову, должно быть, легче, чем нарезать овощи.

Се Чжижун проследил за его движением. Возможно, из-за того, что Сяо Лин редко выходил из дворца, а может, из-за черного одеяния, даже в теплом свете ламп его кожа казалась мертвенно-бледной, и под ней едва проступали тонкие синие вены. Бледный, изящный. Глядя на такого Сяо Лина, было трудно связать его с образом безумного тирана.